

А. В. Чемакин.
«Под небом голубым». 1997

**Наталья Николаевна Горбачева,
Наталья Александровна Рогачева**

**«ТАКОВО СВОЙСТВО ГУБЕРНСКОГО
ГОРОДА...»: ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД
В ЗЕРКАЛЕ «ТОБОЛЬСКИХ ГУБЕРНСКИХ
ВЕДОМОСТЕЙ» 1857–1862 гг.**

В статье показано, как на протяжении первых пяти лет существования газеты «Тобольские губернские ведомости» формируется специфический образ газетного города, конституируется комплекс его имманентных свойств и определяются своеобразные отношения с прототипом — сибирским губернским городом конца 1850—начала 1860-х годов

Вона! пошла писать губерния!..

Николай Гоголь

Неча на зеркало пенять...

Пословица

Почему бы не предположить, что всякому городу не столько лет, сколько он стоит на земле, а столько, сколько он о себе думает. Тогда окажется, что Тобольск, Омск, Курган или Березов — ровесники и намного моложе, чем принято считать. Потому что историю каждого придется вести от 1857 года. В этом году

край наш завел собственные «Ведомости»¹ и — «пошла писать губерния». В первые пять лет на газетных страницах выстроит дома, протопчет улицы, насадит сады, откроет богадельни и тюрьмы губернский город N. Вернее, город T.: Тобольск, Тюмень, Туринск, Тара и Т. п. и Т. д. — если хотите, Типический город или Тот еще Тип, кому как больше нравится. Короче, Тот, от которого до Казани колесо уж точно доедет, а до Москвы, пожалуй что, и нет.

Законы, по которым живет «газетный» город, далеко не всегда совпадают с закономерностями существования «реального» губернского города. Цель газеты — сообщение новостей, а «новость» по природе своей устремлена к переменам, опирается на сдвиг в общественной жизни или в общественном сознании. Цель обывателя прямо противоположного свойства, житель губернии жаждет покоя и счастья, а значит, является противником всяческих изменений, справедливо полагая, что они чреватны катастрофой: «В столичных ведомостях печатаются разные городские приключения: случаи неосторожной и особенно неестественной смерти, случаи воровства-кражи, воровства-мошенничества и другие более или менее недобрые людские дела. Зачем это? Что тут интересного? Мы и так все очень хорошо знаем, что много зла на свете, — каждому из нас чуть ли не каждую минуту приходится бороться с ним, а тут еще выставляют нам напоказ чужое горе, чужую беду» [ТГВ. 1858. 19. Ч. II. Н. о. С. 365]. Редактор «Ведомостей», напротив, сетует: «Мы давно уже не беседовали с нашими читателями по весьма простой причине, потому что нам нечего было сообщить им нового. Наш город тихий и скромный, ведет обыкновенную повседневную жизнь, можно сказать, жизнь семейную, в которой едва ли что может встретиться особенного» (ТГВ. 1859. № 40. Ч. II. Н. о. С. 526). Через год-другой те же формулы обозначат то же самое бессобытийное, бессюжетное течение времени: «Мы давно уже не беседовали с нашими читателями и по весьма простой причине, по недостатку новостей. В провинциальной жизни почти все так обыденно, просто, однообразно, что описание этого едва ли кого заинтересует... Наш провинциальный отдаленный город живет день за днем — завтра, как вчера, и вчера, как нынче» (ТГВ. 1861. 13. Ч. II. Н. о. С. 109).

По мнению горожан, как его представляет себе газета, у города уже все есть для счастья: «Ври, да знай же меру, говорят порядочные люди! А ваши местные известия и лгать-то не умеют по-людски. Как же? Вздумали уверять нас, что мы с некоторого времени не узнаем ни себя, ни города своего. Какую же перемену местные известия нашли в нас самих? Представьте! мы разговорчивее стали. На что это похоже? Прежде будто бы мы и не говорили ни о чем. Что ж, мы неучи что ли какие? По-русски двух слов сказать не умеем? Слава Богу, в Тобольске есть довольно порядочных людей, найдется с десяток-другой и с университетскими дипломами» [ТГВ. 1857. № 31. Ч. II. Н. о. С. 317]. Горожанин не желает замечать никаких перемен в жизни города, а газета заботится как раз о том, чтобы эти перемены не просто происходили, но и вошли в сознание читателей, укоренились в нем и именно так губерния вступила бы на путь прогресса. Газета воспитывает привычку к переменам, формирует ожидание нового именно как лучшего: «Правда, работы эти мелки, не поднимаются на несколько сажень, не режут нам глаз, большей частью не более как на четверть аршина выдаются они от земли; но все-таки мы не можем не считать их приятным подарком для города. Самая мелочность этих работ показывает только рациональность их» [ТГВ. 1857. 31. Ч. II. Н. о. С. 318].

Газета пугает, предвидит «бездны», если не начнется сегодня, сейчас другая жизнь, если не отыщутся средства, «с которыми город наш рано или поздно выйдет из своего жалкого положения» [ТГВ. 1857. 31. Ч. II. Н. о. С. 322]. Но, как ни парадоксально, чем хуже жизнь губернии, тем отраднее ее картина для ушлого газетчика: «Приближается весна, а с ней вместе тревожное общее ожидание:

не будет ли опять наводнения? Пять наводнений, из которых четыре были последовательны, каждую весну, разорили и без того бедный наш город, и потому тяжело ожидание нового могущего случиться несчастья» [ТГВ. 1861. 13. Ч. II. Н. о. С. 109]. Кажется, сама судьба поставила маленький губернский город в центр катастроф: то холодная бесснежная погода своей «ненатуральностью» и «болезненным состоянием природы» вызовет «простудные болезни», которые «свирепствуют в нашем городе и уносят много жертв» [1861. 13. Ч. II. Н. о. С. 110]; то выпадет неизвестного происхождения «желтоватая пыль» и образует «на поверхности земли слой более одного дюйма величины» [1857. 9. Ч. II. Н. о. С. 65]; то закроет город «сухой пыльный туман», невероятный для сибирской зимы [ТГВ. 1858. 17. Ч. II. Н. о. С. 340], то наводнения, то пожары, то град величиной с яйцо, то падеж скота лишают надолго покоя мирного обывателя.

Поток мелких происшествий, случайностей, от трагических до смешных и нелепых, но составляющих смысл обыденности, должен послужить фоном для «лучшего города», о котором мечтает газета. Сами собой разумеются «нечаянные смертные случаи», «пожары», «повальные болезни», «скотский падеж», «поимка бродяг», приход «арестантской баржи» наряду с «потерянными и найденными вещами», «кражами» и «вызовами к торгам». Все это — заголовки газетных разделов, где представляется привычное, каждодневное существование губернии, и ни одно из происшествий не заслуживает особого внимания редакции, не становится темой статьи, не воплощается в сюжет.

Жизнь обывателя и чиновника бедна, тяжела и безотрадна. В область небылиц ушла «баснословная дешевизна»: «Между тем последние ежегодные наводнения, разорявшие губернию, можно сказать, утроили обыкновенную ценность на все» [ТГВ. 1859. 40. Ч. II. Н. о. С. 527]. В Сибири «чиновничий быт», как и в России, представляет собой череду «беспрестанных недостатков, не покрываемых скудным жалованием» [ТГВ. 1860. 23. Ч. II. Н. о. С. 178]. Но дело газеты особого

Сергей КОМАРОВ

*Этот город наивный и дикий
под туманным названьем Тюмень
я топчу, и топтать мне не лень
бензо-грязи родные цлики
под туманным названьем Тюмень.*

*И утрами веселыми, злыми,
когда дворники жгут, матерясь,
наметенного мусора вязь,
я люблю покуриться в их дыме,
когда дворники жгут, матерясь.*

*С Первомайской в Республику — и
упивайся движением вольным,
жаль, не жгут уже геня
в Смольном,
не считают бессмертья шаги,
упивайся движением вольным.*

*Облака же текут и текут,
фигурируя и озоря,
над Мекутьевским напропалую
и живое сквозь мертвых влекут,
фигурируя и озоря.*

*Там под спиленным тополем мой
дед лежит, наблюдая течение,
и старух плесневелых печенье
уж не крошится птицам, постой,
дед лежит, наблюдая течение.*

*В гастрономной череде юбилейной
мать всегда над покупкой тряслась,
с продавщицей в каленую масть
дипломатничая келейно,
мать всегда над покупкой тряслась.*

*Этот город наивный и дикий
страшно: Сукин, Чулков и Мясной
основали — и я, уж седой,
вижу близко их новые лики,
страшно — сукин, чулков и мясной.*

*Но зачем-то, скорбя, ненавидя,
этот град под названьем Тюмень
я топчу — и топтать мне не лень —
и цмру здесь, любя, как Овидий,
этот град под названьем Тюмень.*

свойства: живописуя мрачную картину провинциальных бедствий, редактор ни на минуту не забывает о направлении «Ведомостей» — воспитании любви к переменам, улучшающим жизнь. Статья о «бедном чиновнике» написана не ради самого бедняка, а ради нововведения — «ссудно-сберегательной кассы при Тобольском губернском правлении»: «Цель ее, с одной стороны, доставить дешевую и всегда доступную помощь нуждающемуся, а с другой — способствовать бережливому и умеренному скопить какую-либо сумму на черный день, которых так много в жизни человека» [ТГВ. 1860. 23. Ч. II. Н. о. С. 178–179].

«Газетный город» устремляется прочь от своего «реального» двойника, но тянет его за собой, прельщая то «механическим подъемником» в статье о наводнениях (видимо, полагая, что бедняк, привыкший встречать каждую весну в полузатопленном доме, с удобствами переместится в нагорную часть города и, отсидевшись, без потерь вернется назад), то теплыми тюрьмами в статье о быте арестантов («... В Тобольской губернии местным правительством давно уже обращено внимание на тюрьмы, во многих уездных городах уже выстроены новые тюрьмы, поместительные и удобные» [ТГВ. 1859. 40. Ч. II. Н. о. С. 527]), то каменной мостовой, которая обойдется почему-то дешевле, чем привычная сибиряку деревянная. Все отмеченные газетой события — это «начало перемены», те зерна, из которых поднимется райское будущее края с благоустроенными острогами, ровными и глубокими канавами, замощенными улицами, достаточным жалованием, но и с всеобщим просвещением и регулярной связью с Россией. Из номера в номер обсуждается проект строительства Сибирской железной дороги, которая «обещает восстановление естественной физиономии Сибири» [ТГВ. 1857. 9. Ч. II. Н. о. С. 68; 1857. 16, 17, 19 и другие].

Сквозной сюжет связан с историей создания Мариинской женской гимназии: здесь известия об учреждении школы, о пожертвованиях, о программах обучения, о публичных испытаниях воспитанниц, о будущем устройстве их [ТГВ. 1857. № 2, 3, 4, 5, 8, 14, 16 и др.]. Событийно открытие любой школы — газета дотошно отмечает, как рождаются на свет народные училища, гимназии для мальчиков и девочек. По мнению редакции, «истинное сочувствие членов общества к доверенному школе делу воспитания детей ... нуждается в гласном заявлении». Достаточно одной статьи, чтобы в газете вырос одический образ благодарного ученика: «... Дети легко поняли, что такое единодушное внимание к ним общества налагает и на них обязанность быть достойными этого внимания» [ТГВ. 1862. 49. Ч. II. Н. о. С. 335, 338].

Подлинный герой газеты — гражданин-благотворитель, неприменный участник всевозможных акций: балов и маскарадов, любительских спектаклей и концертов. Он и в самом развлечении сумеет развернуть «святое знамя, под которое не стыдно стать всякому порядочному человеку»: «...Спектакль спектаклю рознь. Много можно говорить против спектакля, который устраивается только для потехи публики, льстит только ее мелочным страстям, не только не облагораживает ее вкуса, но убивает его. Но кто и что может сказать против спектакля с благотворительной целью...» [ТГВ. 1858. 1. Ч. II. Н. о. С. 13]. Для каждой благотворительной акции существует обычно весьма определенный денежный эквивалент: не случайно информация сопровождается дотошным перечислением вырученных и пожертвованных сумм в рублях, копейках и полупешках, но подчеркнуть газета стремится все-таки иное — христианскую мотивацию благотворения: «Осужденный, кто бы он ни был, достоин нашего сожаления, и только наше участие в нем мирит его с людьми и дает ему понять, что правосудие, карая его за противозаконные действия, желает ему блага, а не гибели. И это участие бывает тем благотворнее и действительнее, чем оно живее и искреннее. Кто же может так глубоко сочувствовать несчастью других, как не женщина, которая преимущественно живет сердцем?» [ТГВ. 1857. 4. Ч. II. Н. о.

С. 17]. Но дивны дела сибирские: в одном «Тобольском попечительном о тюрьмах комитете» благие дела совместно вершат «супруга начальника губернии Анна Михайловна Арцимович» и «супруга заседателя Приказа общественного призрения», а также ссыльнопоселенца, недавнего каторжника Прасковья Егоровна Анненкова. Рядом с облагороженным учеником войдет в историю благодарный каторжанин: «Какая отрада для заключенных родителей видеть, что дети их составляют предмет нежной заботливости лиц, которые ... должны быть им совершенно чужды! Только разве преступник с каменным сердцем и сожженной совестью не тронется таким милосердием!» [ТГВ. 1857. 4. Ч. II. Н. о. С. 18].

Выведение подобных сюжетов и героев на первые страницы газеты, возможно, и не носит сознательный характер, но зато свидетельствует о безусловном факте: идет становление самосознания сибиряка. Процесс этот двойствен. С одной стороны, сибиряк решительно отделяет себя от россиянина вообще: «Купечество в России и купечество в Сибири, казалось бы, одно и то же сословие: тот же образ жизни, те же понятия, то же почти образование. Чем вы отличите их друг от друга? А разница между ними есть, да и немалая. В России впереди купечества стоит другое сословие, не менее богатое и вдобавок далеко просвещеннее его — дворянство. У нас в Сибири дворянства вовсе почти нет, и во главу угла всех наших сословий, разумеется по весу и значению в обществе, мы должны поставить купечество» [ТГВ. 1858. 5. Ч. II. Н. о. С. 73]. С другой стороны, столь же очевидно желание газеты подчеркнуть в сибиряке чувство сопричастности к большим и малым событиям в России и мире, благодаря чему рождается сознание «цельности» российского мира. Город жертвует деньги в помощь инвалидам и сиротам Севастопольской кампании, отправляет пушки из Тобольского гарнизона на севастьяпольские бастионы, посылает на защиту Севастополя «своих сынов», которые «прямо по окончании гимназического курса отправились в действующую армию. Все они были в Севастополе, всем им досталось побывать под свинцовым дождем». И теперь, «когда Отечество наше успокоилось, когда и мы пообгляделись, не мешает и нам, тобольцам, напомнить о своем посильном участии в борьбе за Родину. Да не подумает кто-нибудь, что мы хотим выставить напоказ это участие, хотим хвастаться им. Нет, мы довольно бедны для этого, нам хочется только показать всеобщность подобного участия во всей России и сказать, что и в самых отдаленных концах ее жители России в годину отечественной войны все от мала до велика одинаково живо принимали к сердцу каждую язву, наносимую нашему Отечеству, и одинаково легко и отрадно дышали при каждом известии о славных подвигах сынов его» [ТГВ. 1858. 4. Ч. II. Н. о. С. 69]. Сибири, не знающей крепостного права, прямо не касается эпохальный Манифест 1861 года, но газета с радостью провозглашает: «Великое слово освобождения от крепостной зависимости наконец произнесено и у нас!.. В кафедральном соборе при чтении Манифеста и молебствии было множество народа, несмотря на дурную, даже до крайности, погоду. Конечно, Манифест этот не мог иметь для нашей губернии всеобщего огромного значения, как в других губерниях, потому что у нас всего только 25 помещичьих имений; но народ молился с умилением за благодушного царя, как бы провидя в этом благом законе новую эру свою, новое прекрасное будущее... Пролита не одна горячая слеза, принесена не одна теплая молитва, и не одна свечка, добытая на трудовую копейку, поставлена за здравие и благоденствие того, который в немногие годы своего царствования так много милостей являет своему народу» [ТГВ. 1861. 14. Ч. II. Н. о. С. 117]. Публикуя сообщение о начале благотворительных пожертвований на сооружение памятника тысячелетию России, газета полагает, что и сибирская лепта должна быть вложена в его основание [ТГВ. 1857. 12. Ч. II. Н. о. С. 77].

Малые или большие это дела, но они свидетельствуют, что сердечному отклику сибиряка границ нет. Особое же умиление рождается в душе горожанина, когда стечением обстоятельств он вдруг становится главным героем большой истории. Свадьбы, крестины, смерти, коронации в царствующем доме все-таки далеко «во внутренних губерниях империи», а вот лицезреть очередного помазанного путешественника дано и сибирскому городу. Некогда Александр Николаевич, теперь вот Владимир Александрович, а позже и другие великие князья самым фактом своего появления в губернском городе надолго определяют его жизнь. Газета извещает об организации комитетов «по встрече и подготовке», публикует сообщения с «пути следования и пребывания», буквально на глазах ею творится миф о благодатном преображении края одним монаршим присутствием на его просторах. Заурядная деталь может вырасти до символа: лодка, на которой некогда переправлялся за реку наследник, становится чем-то вроде ковчега, хранимого под хрустальным колпаком благодарными потомками. Реальные факты сначала отходят в область преданий, а еще позже восстановлены будут не иначе как в форме отрадного сновидения о прошлом. Но как ни курит город фимиам в доморощенных «пиндарических одах» (таково уж его свойство!), где-нибудь непременно оборвется, например, предложит живописный портрет усопшего императора к продаже по весьма сходной цене [ТГВ. 1860. 14. Ч. II. Н. о. С. 117].

Важная забота редакции — реконструкция собственной сибирской истории и заполнение городского пространства ее символами. Раз провозгласив Ермака героем и поставив ему памятник, сибирский обыватель видит в нем естественный центр своего исторического существования, так что даже первый городской общественный сад разбивает вокруг него: «Наш сад, как бы по мановению волшебного жезла, вырос вдруг, и мы видим в нем высокие и ветвистые деревья, как например кедры, пихты, березки, липы, рябину и пр... Общественный сад еще окончен только вполовину, но нет сомнения, что он будет прекраснейшим делом искусства» [ТГВ. 1857. 12. Ч. II. Н. о. С. 93]. Сибирский пантеон формируют звучные исторические имена Федора Соймонова, Матвея Гагарина, Филофея Лещинского, Иоанна Максимовича, Александра Меншикова... Но вот ирония истории: среди современников «Ведомости» не видят или не смеют видеть тех, кто со временем, пожалуй что, и затмит героев прошлого. В городе Т. Ф. М. Достоевский — только «политический преступник», которому «дарованы некоторые права по происхождению», П. А. Словцов — «член попечительного о тюрьмах комитета», П. П. Ершов — коллежский советник, цензор неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей», один из многих кавалеров ордена Станислава, получивший его всего лишь за «выслугу лет». Удел К. Н. Высоцкого и братьев Знаменских — короткая строка в сообщении о перемещении чиновников по службе. Даже зная о подлинной значимости декабристов в жизни Сибири, газета помещает информацию о них лишь в разделах о торгах и вызовах наследников. И если чиновники Иван Александрович Анненков, Евгений Иванович Якушкин все-таки величаются газетой по имени-отчеству, то не служивший Иван Иванович Пуцин получил право только на фамилию [ТГВ. 1858. 22. Ч. I. С. 171].

Губернская шкала ценностей особого рода: здесь Николай Степанович Пилленков затмевает своего неудачливого племянника Петра Павловича Ершова. «Целый город теснился около его гроба. Что-нибудь да влекло же народ?... Чем же он умел угодить?... Угощал обедами, задавал веселые пиры? Ничего не бывало. Скромней Николая Степановича из богатых людей едва ли кто и жил в нашем городе. Не в том, значит, дело. А спросите лучше его золотую медаль на Аннинской ленте, она вернее вам ответит. Обратите лучше внимание на звание коммерции советника, которого удостоился покойный...» [ТГВ. 1858. 5. Ч. II. Н. о. С. 73–74].

Газетный город Т. стремится обрести и сохранить «физиономию места», чтобы не дай бог не перепутали его с каким-нибудь «городом А.», где столько же жителей, та же гимназия, семинария, те же «каменные, пожалуй, великолепные здания присутственных мест», салотопни, мыловарни, кожевенные заводы, а вдобавок и построены-то они оба «на высоком крутом берегу» [ТГВ. 1857. 26. Ч. II. Н. о. С. 234]. И вот уже оскорбляется провинциал, если усмотрит в словах, к нему обращенных, малейшее посягательство на его «самость» или заметит пренебрежение его «общественными интересами»: «Редко какая-нибудь знаменитость средней руки, напутешествовавшись вдоволь по другим губерниям, заглянет мимоходом сюда, подразнит нас ... и оставит надолго при одних только воспоминаниях» [ТГВ. 1858. 23. Ч. II. Н. о. С. 450]. Зато город не скрывает радости, если удастся «натянуть нос» своему вечному сопернику: Нижний Новгород, к примеру, еще только спорит, как организовать обучение для приходящих учениц из бедных семей, а тоболяки уже выстроили череду экипажей перед дверьми Мариинской гимназии, «чем значительно отвратились неудобства, побуждающие роптать на желание, чтоб учреждена была школа для приходящих» [ТГВ. 1857. 3. Ч. II. Н. о. С. 16]. Город А. все еще обходится по старинке известью да краской, а предприимчивый сибирской собрат уже «изобрел средство делать стеклянистую изморозь, заменяющую обои для украшения комнат... придающую им как при дневном, так и при ночном освещении самый блестящий вид». Газета же, сколько может, споспешествует прогрессу, предлагая интересующимся «видеть образцы изморози, как в порошке, так и наведенной на доску... в редакции «Тобольских губернских ведомостей» с 12 час. до 4-х час. пополудни ежедневно» [ТГВ. 1862. 26. Ч. II. Н. о. С. 181].

Город заботится о впечатлении, которое производит его «физиономия», чтобы — упаси бог — не быть приняту за деревню или провинциальную дыру, чем и объясняется появление в газете целой череды объявлений:

«1. Тобольская градская полиция, усмотрев, что многие из домохозяев города, несмотря на запрещения, складывают подле домов своих дрова и строевой лес, а также вывозят из дворов своих навоз и сор и вываливают оные на улице, долгом считает просить гг. домохозяев немедленно убрать от дворов своих и с улицы все вышеупомянутое в надлежащие места. При чем предвеляет, что если и за сим не будет исполнено в течение трех дней настоящее требование полиции, то с виновными поступлено будет на основании 1329, 1331, 1334 и 1335 ст. Улож. о наказ. уголовных и исправительных.

2. Полиция, заметив, что домохозяева города Тобольска допустили у заплотов, тротуаров и канав домов своих разрастись в большом количестве крапиве и разным другим сорным травам, просит домохозяев распорядиться немедленно скосить и убрать крапиву и прочие травы...» [ТГВ. 1857. 19. Ч. II. О. о. С. 127].

«Замечая, что бродящий по городу скот (коровы и козлы) врывается в общественные сады, разведенные в Тобольске... полиция еще в прошлом году обязала домохозяев не выпускать скот из домов... Несмотря на то, оказалось, что распоряжение полиции не исполняется многими домохозяевами. Поэтому она была принуждена постановить: коров и козлов с улиц загонять в частные управы и взыскивать с хозяев штраф в пользу городских доходов, затем козлов, как животных, наносящих особенный вред садам, если и после этого распоряжения хозяева не будут держать их во дворах, ловить и тотчас отправлять на луга за реку Иртыш. О чем и объявляется во всеобщее сведение» [ТГВ. 1857. 7. Ч. II. О. о. С. 47].

Скорее всего, именно комплексом провинциальности продиктована эта неустанная забота о приобретении городом благопристойного вида. Столичные начальники пекутся о мундирах и пуговицах губернских жандармов и чинов-

ников, губернские администраторы — «о качестве чернил», а околоточные надзиратели — «о некурении табака на улицах».

Стремление к упорядочению жизни выражается в сегментации пространства провинциального города, совершаемой по правильному плану, которому в конечном итоге должна подчиниться природа. Победа над стихийной бессмысленностью существования знаменуется прямыми улицами, освещенными не солнцем или луной, а сальными или газовыми фонарями; каменными зданиями, не подверженными пожарам — настоящему бичу деревянных северных городов; богато иллюминированными садами и благоустроенными огородами.

Но как ни старайся провинциальный газетчик, из-под городского плана так и светится «ухмыляющееся лицо» города Т. — Тюмени, Тобольска, Ялуторовска... всякого другого сибирского городка, возникшего, как судьба судила, там, где шла дорога из России и встречала природное препятствие: реку ли, чужое поселение; или просто устал путник, «опнулся» да и возвел дом для себя и семьи, а там и соседями обзавелся.

Никакие планы не перечеркнули, например, «натуры» Тюмени. Как увидел Н. Абрамов торжество природы в ее четырехчастном делении: Городище — на месте татарского Чингидина, Зарека и центр, разделенные Турой, Ямская слобода, организованная Московским трактом, — так и через полторы сотни лет: та же Зарека, только вал вдоль реки закрыл окна нижних этажей, превратив жителей домов в обитателей подвалов; то же Городище — деревня посреди города; та же Ямская, поспешно вычищаемая к приезду очередного столичного чиновника; тот же центр с хаотичным нагромождением купеческих особняков — из старого кирпича и нового бетона, обветшалого дерева с яркими свежими заплатами и тайной надеждой нового купечества, что наконец-то догниют, а не то так нечаянно сгорят «памятники», освободив городское пространство; даже берег Туры тот же: не было общественной набережной, где прогуливались бы тюменцы, и уже не будет — новые заборы лет на сто преградили выход к реке.

Поистине таково уж свойство губернского города: увлечься мечтой о «столичной штучке» и очнуться там, где и был.

!

ПРИМЕЧАНИЕ

¹Первый номер «Тобольских губернских ведомостей» вышел в свет в субботу апреля 27 дня 1857 года.

СОКРАЩЕНИЯ

ТГВ — Тобольские губернские ведомости

Н. о. — Неофициальный отдел

О. о. — Официальный отдел

